

ГАДАНИЕ ПО РЕКЕ

СТИХИ

АЛЕКСАНДР КАЗАНСКИЙ

Александр Владимирович Казанский

Гадание по реке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73273443

Гадание по реке:

ISBN 978-5-00246-459-3

Аннотация

Александр Казанский (1966) – поэт сложной и богатой стиховой культуры, вобравшей лучшие традиции русской поэзии. Печатался в альманахе «Траектория», журналах «Звезда», «Золотой век», «URVI», антологиях «ЛИТ_ПЕРРОН», «Настоящие».

Член Союза российских писателей.

Живёт в Нижнем Новгороде.

В сборник «Гадание по реке» вошли избранные стихи с 1987 по 2023 годы.

Издание адресовано всем любителям поэзии.

Содержание

I		6
	«Забвенье горько и для снов...»	6
	«Ночь – сердце, стиснутое страстью.....»	7
	«Вот и тепло, слава Богу...»	8
	«Облокотившись на решётку...»	10
	«В боговдохновенном сентябре...»	12
	«Синеет лён небесных лон...»	13
	Три триолета	14
	«Ночь обмерла... Ты – чуть чужая...»	16
	«Скупец, небесным серебром и золотом...»	18
	«Исподволь завладевает...»	20
	«Облак синеву латает...»	22
	«Уже и с клёнов взятки гладки...»	23
	«Забреди в этот парк, упреди загадычную муку...»	26
	«Где времени коснеют мхи...»	28
	«Приходит. Пальчиком по коже...»	29
	«Гляжу на окна с думой блёклой...»	31
	«Нишкни! В реестрах тишины...»	32
	Из цикла «Посвящения»	33
	1	33
	2	34
	3	35

4	36
5	38
6	38
Отрывок из русского поэтического синодика	40
«По небу облако летело...»	42
«Моё дыханье, не тумань...»	45
«Звёзды тенорят, тенорят...»	46
Вариация на тему 66 сонета В. Шекспира	48
«Он столь же строг, сколь и витиеват...»	49
Ода меланхолии (из Китса)	50
«Душою благодарной...»	52
«Я верю в тайную свободу...»	53
«Ветреная Троица...»	54
«На берёзы и на клёны ты...»	56
«Воздыхающие, пропащие...»	58
«Голубая холодная улица.....»	59
«О, горние золушки, райские простолюдинки...»	60
«У меня не допросишься снегу зимой...»	61
«Вином и горькою любовью...»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Александр
Владимирович Казанский
Гадание по реке**

© Казанский А.В., 2025

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2025

I

«Забвенье горько и для снов...»

Забвенье горько и для снов,
Не переживших повторенья, —
Душой не признанных послов
Страны взволнованного зренья.

Но как же больно покидать
Страну, приснившуюся Богу,
Мне – без надежды угадать
Его усмешку иль тревогу...

1987

«Ночь – сердце, стиснутое страстью.....»

Ночь – сердце, стиснутое страстью...
Взахлёб цветущая сирень...
Все жизни, все цветы – во власти
Меланхолических сирен...

И небеса светлы, как вера,
Мне дума вешняя сладка —
Я, как гекзаметры Гомера,
Читаю в небе облака.

Но как прозрачно ни пари я
Душой, свободной от оков, —
Ей не доступна эйфория
Велеречивых облаков.

Сирени чуть вздохнула ветка...
И, мятным нежа холодком,
Луны снотворная таблетка
Под Божьим тает языком.

«Вот и тепло, слава Богу...»

Вот и тепло, слава Богу!
Щурим от солнца глаза.
Перелетает дорогу
Смертная стрекоза.

В небе белёсые полосы...
Ласково кликнув: «Ба!» —
Ветер берёзам волосы
Отбрасывает со лба.

Бабочка пеплом полёта
Выпала вдруг наобум.
Перекрестила зевоту
Ветхая музыка дум.

И от невинных идущее,
От голубиных высот —
В сердце поёт равнодушие,
Тоненько так поёт...

Где-то на севере – замяти
Снова качают права.
В реанимации памяти
Дышит любовь едва.

Что ж, мы ещё не пропали,
Да и труды наши тож —
Вот и стишок накропали,
Словно накропал дождь.

11 сентября 1988

«Облокотившись на решётку...»

Облокотившись на решётку,
Принявши бесшабашный вид,
Клён – как богач, влюбясь в кокотку —
Безбожно золотом сорит.

Его натаскивает ветер
В искусстве куртуазных фраз,
И он, весь в мыслях о предмете,
Нетерпеливо ждёт свой час.

А осень в отдалённой чаще
Опять свиданье проспала,
Она в порядок надлежащий
Ещё себя не привела.

И спешно старая красotka
Срывает с реденьких пучков
Неряшливые папильотки
Смешно торчащих облачков,

Цепляет фижмы, лепит мушки,
Из паутин кроит вуаль
И кое-как вдевает в ушки
Слезинок дождевых хрусталь.

Ланит чуть скрадывает бледность
Помадой утренней зари...
И вот идёт – в очах победность —
Ах, душка, – что ни говори!

1988

«В боговдохновенном сентябре...»

В боговдохновенном сентябре,
Воплощённые эфемериды,
Мы живём сквозь годы и обиды —
Как инициалы на коре

Ясеня, под ясною эгидой
Сонных листьев, вымытых в заре,
Или как легенды кобзарей,
Что вслепую повидали виды.

Души опустелые внаём
Музыке бездомной отдаём
Мы в те дни, чьи рдяные кануны

Благовестят синюю пургу,
Небосвода шаткую дугу
И меж звёзд колеблемые струны.

1989

«Синеет лён небесных лон...»

Синеет лён небесных лон,
туманен склон... но лёгкий клён
весь льдистым светом прокалён,
весь – словно тихий пир...
Сентябрьский рай, не умирай,
дрожи, играй, плечи за край,
воздухи благорастворяй
и превращай в эфир!
Как ломок свет! – как будто вет —
ка – звонко-сух... Другим вослед
лист оборвался... Пируэт —
и падает на дёрн.
Даль развернулась, как экран, —
ты в эту утреннюю рань
взгляд не порань о филигрань
её мельчайших зёрн.

Три триолета

1

Мне бы век мотыльковый да к Богу любовь,
Неделимую в крохе на крохи,
Да подслушивать тайные вздохи
Тех, чей век мотыльковый – лишь к Богу любовь.
Я б молился Ему: – Всеблагой, уготовь
Мне забвенья на девственном мохе!
Мне бы век мотыльковый да к Богу любовь,
Неделимую в крохе на крохи.

2

Грустит, истаивая, вея, нимфа Эхо,
Таинственная, белая, бывшая.
– Забвения доньше не пила я, —
Грустит, истаивая, вея, нимфа Эхо...
Всё о тебе, Нарцисс, очей утеха,
Любовию несбыточной пылая,
Грустит, истаивая, вея, нимфа Эхо,

Таинственная, белая, былая.

3

Ты останешься притчею во соловьиных языцах,
Я же рощею буду, где славить тебя соловьям.
Есть последняя тайна, доступная бедным словам, —
Ты останешься притчею во соловьиных языцах.
Вечеровые росы ленивеют на медуницах,
Над которыми нашим вовек не пьянет головам...
Ты останешься притчею во соловьиных языцах,
Я же рощею буду, где славить тебя соловьям.

1989

«Ночь обмерла... Ты – чуть чужая...»

Н.

Ночь обмерла... Ты – чуть чужая.
Душа – не талая свеча ль?
Я вновь сонливо провожаю
Твою рассветную печаль.

Притихнув, в сумерки мы входим.
«Снег наш насущный даждь нам днесь».
И вдруг отчётливо находим
Себя в серебряном *не здесь*.

Нам что-то на ухо сказали,
Нас кто-то за руку ведёт.
Мы оробели в тронном зале
Зимы, которая грядёт.

И над тропой в фонарном круге,
Застынув, как в лучах луны,
Ветвей молитвенные дуги
Сусальным льдом застеклены.

И словно матовая крупка
Жемчужин, брызнутых на стол,
Они позванивают хрупко,

Где нежный ветер задел о ствол.

О, в Божьих снах всему есть место,
Но вспомнится, быть может, лишь
Вот эта мгlistая челеста,
Инструментованная тишь.

И если от тебя уйду я,
То лишь затем, чтоб вновь в раю
Глухом искать тебя вслепую,
Ночную музыку мою.

10 декабря 1990

«Скупец, небесным серебром и золотом...»

Скупец, небесным серебром и золотом
Я дорожу в моём глухом углу.
Я чую свет. Но страшно жить наколотым
На холода калёную иглу.

И затевать полночные ристания
С нещадной памятью и трепетать
Её мечей угрюмого блистания,
Что жаждут душу кровью напитать.

Томительное противостояние.
Вся жизнь – на той, на вражьей стороне.
Когда б я мог избегнуть воздаяния,
Зарывшись в снежно-золотом руне!

Не знаю, кем душа моя сосватана:
Давно стихами – что её влекло? —
Прозрачное небытие захватано,
Как детскими ладошками стекло.

Виясь, язвит свой хвост высокопарная
Строка... О, помоги мне, рифма парная,
Прервать вотще бряцующую речь,

Смиреной кровью истинно истечь.

1991

«Исподволь завладевает...»

Исподволь завладевает
Сон полушарьями век...
Вдруг о стекло задевает
Чаек скрежещущий снег.

Мука их криков раскосых
Вновь опадает окрест,
И копошится в отбросах
Сонм сумасшедших невест.

И, проклиная их бедность,
Я потянулся к листу,
В чью подвенечную бледность
Злом этих строчек врасту...

Зашевелился шершаво
Зряшный, как добрый совет, —
Мафусаил моложавый —
Невыносимый рассвет.

Сколько таким вот манером
Ей ещё длиться, душе, —
Хрупкому грифелю в сером
Сточенном карандаше?

«Облак синеву латает...»

Облак синеву латает,
Мост через неё мостит...
То ли старец дым глотает,
Безучастен и мастит.

Ветер листвие листаёт,
Ластится, ликует, льстит,
Шелестеет, шелестает,
Шелестует, шелестит.

Сонный ангел пролетает,
Чьей-то жизнью володаёт
И, баюкая, грустит.

По иным мирам плуताёт,
В душу звёзды заплетает,
Снежно крыльями хрустит.

1991

«Уже и с клёнов взятки гладки...»

Уже и с клёнов взятки гладки.
Октябрь пропал незнамо где.
В его зияющей среде
Мне сладко, при моей повадке,
Как в хвором теле лихорадке,
Как рыбе в девственной воде.

Плыву, пылаю, холодею,
Мерещусь, тлею, трепещу,
Сны забываю – молодею,
А вспомню – под землёй сыщу,
Но глуби их не возмущу
И сутью их не овладею...

Да придет царствие зимы!
Душа? а что ей остаётся?..
Сдаётся мне, она сдаётся
На милость холоду, внаймы —
Сдаётся деве... Славно пьётся
Дыханье, полное чумы.

Да стихнет упоенье боя
И резвость праздного ума!
Покоя – и ценой любою,
Лишь бы не посох и сума!

Но справится душа сама
С собою и, само собою, —

Узнав судьбины нрав крутой,
Смиришься пред седой машиной.
Той лихорадке горькой хиной
Быть исцелённой, рыбе той —
Быть извлечённой сетью длинной
На брег песчаный и пустой.

А после возлежать на блюде.
По чьей причуде – кто поймёт?
И надо бы любить вас, люди,
Да, по несчастью, зуб неймёт.
Всё по усам весёлый мёд
Течёт – и сушь в хмельном сосуде.

Плотней закутавшись в пальто,
Писатель, выдохну: «морозы»,
Читатель, жду уж рифмы «розы», —
А выбрать сам не знаю что...
Так и живу на свете – то
Безбожно пьяный, то тверёзый.

Земля родная, исполать
Тебе, безмолвной и безгневной!
Я медлю в грусти каждодневной...
Меня б за смертью посылать,
Как за заморскою царевной

Ивана-дурака, – но, глядь, —

Сама, тиха и красовита,
Она, как лист перед травой,
Нежданно явится, повита
Невразумительной молвой, —
И испарится синевой
Во мне витающая «vita».

Я ль был насущен, словно хлеб?
Иронией ли закуржавел
Мой стих? Или от слёз заржавел?
Иль – как на ветви, глух и слеп, —
Он, мокрый снег, налип, нелеп,
На вас, Наталья, Миша, Павел?

1992

«Забреди в этот парк, упреди загадочную муку...»

Забреди в этот парк, упреди загадочную муку.
По ослизлым ступеням прошествуй сквозь волглую
глушь.

Задержи на холодных перилах бесплодную руку.
Вот теперь ты один – и как будто не так неуклюж.

Осыпается зряшное вишенье вызревших капель,
Копошливо скользит между зябких лопаток листвы.
Этот лаковый клён не в серебряно-матовом крапе ль?
Ну а эта берёза не клонит ли выю, увы?..

Только тополь чуть тёпел... Витийственный дуб
непробуден,
Будто труп Цицерона (судьба сократила до «цыц»)
О, томительный юг! (Как словарь мой изысканно-скуден.)
О, далёкая Ницца! (Я мысленно падаю ниц.)

Возвращайся... Сердца, как твоё, слишком нежны и
дряблы.

Уплывай... Рано ль, поздно ль – отыщешь свои невода.
На губах у безликого солнца улыбка прозябла,
И в канаве запрядала радужной кровью вода...

Дома. Клонит ко сну. Жаль, что нету вина в этом доме.
Нищий взгляд в пустоту за окном безвозмездно вперил...
Чёрт возьми! – и стираю платком с занемевшей ладони
Бурый след – неопрятную память железных перил.

1992

«Где времени коснеют мхи...»

Где времени коснеют мхи
У дуба на щелястой шкуре
И вековечна ложь лазури,
Полуотмершая в стихи;

Там, где для красного словца,
Для ярого, для золотого,
Не милуют отца родного,
Да и небесного отца, —

До наступления зимы
Спеша, киша, шурша обильно
И хохоча, как горн плавильный,
Ордою, в коей тьмы и тьмы, —

Листвы рябая татарва
На Русь любовно ополчилась,
И нам, которым жить случилось, —
От смерти глаз не оторвать.

«Приходит. Пальчиком по коже...»

Приходит. Пальчиком по коже
Проводит, пробуждая дрожь.
И сладость в этой смертной дрожи,
И отвращение, и ложь.

Стирается любая мета
В такую ночь. Вот и гадай:
То ли покойник я отпетый,
То ли отпетый негодяй.

Но знаю я... сегодня вторник...
Так вот, в четверг, после дождя,
Моих стихов прохладный сборник,
В них смысл неявный находя,

Прочтёт неведомая чтица...
Иль птица?.. Не рука – крыло
На полусонные страницы
Незабываемо легло.

Дымком, слегка витиеватым,
Исходит каждая строка...
Стихи? – нет, рукотворный фатум...
Крыло? – нет, всё-таки рука...

И знаю: посвящённых деве
Иль другу (как он был неправ!),
Их будет девяносто девять,
До совершенства недобрав.

1992

«Гляжу на окна с думой блёклой...»

Гляжу на окна с думой блёклой.
Приходит ночь в белёсой дымке,
Наклеивая мне на стёкла
Свои рентгеновские снимки.

Я лгу. Я сны перевираю.
Где ж ангел, с коим пополам бы
Я разделил все муки рая,
Лечь и отступничество ямба?

Он здешний, не потусторонний,
Живой, проклятый, верный, гиблый.
Он на безлистой клёна кроне
Качается и шепчет хрипло:

– Пребудь у всех страстей в неволе,
Шатайся без любви, без дела,
И метра, словно ветра в поле,
Ищи до смертного предела.

«Нишкни! В реестрах тишины...»

Нишкни! В реестрах тишины,
В её неслыханных анналах,
Что шёпотом опушены...
В кишачих душами подвалах —
Шмыгни сторожкой мышью...

Бра

Зажги, в норе своей ютяся.
О, как нора твоя добра —
Не мебелирашки на Парнасе!

1992

Из цикла «Посвящения»

1

А. Дельвигу

Парнаса вечный лежебок,
Блаженник, увалень аркадский,
Слепой, нелепый голубок,
Будь пестуном моим и цацкой.

Будь пестуном моим и цацкой,
Будь бледным гением моим,
Мерцай, бряцай на лире братской,
Брачуй небесное с земным.

Брачуй небесное с земным,
Склоняясь надо мной несмело,
Тобою, дольний серафим,
Заслушиваюсь онемело.

Заслушиваюсь онемело,
Бессильный воссоздать твоей
Недоумелой филомелы
Колоратурный эмпирей.

О соловьиный эмпирей!
Расстроит смерть ли наши планы —
Молчком, бочком меж упырей —
На Елисейские поляны.

На Елисейские поляны,
На сумеречные луга —
Полувидны, полуслиянны,
Как тающие облака...

1992

2

...и что теперь прикажете?.. иль просто
Начать – с другого сна, с другого Бога?..
Но где же те – единственные – звёзды?
И где же та – кремнистая – дорога?

А голос тот лелейный?.. Тьфу, морока!
И надо ж было представлять титана!
Куда как слаще гибельного рока
Румяный хмель да лёгкая гитана.

Свобода и покой... покой и воля...
Пока в стихах, ещё не так уныло...
Ведь даже не успел почуять боли,

Теперь же только боль – вот это мило!

И всё уже равно, и сам ты равен
Всему, что, как ни странно, тяжелее
Всего... но не срывает райских ставен
Весёлый ветер, от тоски шалея...

Судьба на вечность наложила вето
И на пиру все отравила брашна.
И нету ни ответа, ни привета.
Да и не надо. Потому что страшно.

И тёмный дуб, склонясь осиротело,
Ночью кромешными и пламенными днями
Небывшее поручиково тело
Нащупывает чуткими корнями.

1992

3

Он спал, и Офелия снилась ему...
Г. Иванов

Вот и ты про Офелию, данник
Строгой музыки, сошедшей на нет,
Солью звёзд просолённый изгнанник,
Болью звёзд уязвлённый поэт.

Сердце ужасом стянуто туже,
Свет смутился и оторопел...
Вот и ты про Офелию ту же,
Да не ту – колыбельно пропел.

Что Офелия, нимфа, Гекуба?
Звук пустой. Только мы влюблены
В эти чистые мёртвые губы,
В это льдистое пламя луны.

Словно кто-то хранит нас, колебля
На зыбучем стекле бытия,
Как цветы на измученном стебле.
И не наша ли жизнь – лития?

И опять чья-то тень у обрыва...
Цепенеет, течёт, ворожит
И уносится время... И ива
Над водою седою дрожит.

1993

4

В. Смоленскому

Ты... Твой лепет пьяный, покаянный,

Завораживающий, святой...
Над душою мёртвой и стеклянной,
Как стакан твой, верный и пустой;

Ты, отмеченный рукой, что стёрла
Тьмы существований, как огнём,
Трепетное ангельское горло
Сжёгший болью, страстью и вином;

Ты, с любовью Божьей разлучённый, —
Напряженьем холодевших жил
О любви земной и обречённой
Песнь неисцелимую сложил.

И – прозрачное обретши тело —
Из немислимой она дали
Всё ж, изнемогая, долетела
До твоей потерянной земли, —

Где теперь над нею я склоняюсь,
Как над тайной, что во сне раскрыл,
И рукою робкою касаюсь
Вздрагивающих усталых крыл.

1996

5

А. Гингеру

Земной поклон тебе, солнцепоклонник бурный,
От внука, любящего свет луны.
Никто не встанет вновь на гулкие котурны,
Тибетские не тронет валуны.

Пусть воспалённая тобою эстафета
Не будет никому передана:
Когда не песенка, а песня песней спета —
Себе самой наследует она.

Блуждай же на своих высотах беспощадных,
Вращай весь мир вокруг золотой оси
И вечно мимо глаз увлажненных и жадных
Свой неутешный факел пронеси.

1999

6

В. Соколову

Того, кто смотрит звёздными очами,
Кто обрекает нас гореть свечами,
Лишь уповая на его зарю,
Того, в кого я верю лишь ночами, —
Душой моей ночной благодарю:

За то, что ты заснул – как жил – под снегом,
Сквозь камни непредсказанным побегом
Пробившийся – небес подземных луч;
Что канул ты оцепенелым рекам
Асфальтовым на дно – скрипичный ключ;

За то, что голова твоя повинна,
За то, что чистота твоя глубинна,
За то, что у любви твоей земной
Два нежных имени, две половины,
Слиянные мелодией одной¹;

Что сам ты сном и снегом обернулся,
Что мимолётом ты меня коснулся
И за собой туда завеял след,
Где ввек мне не бывать, – а ты вернулся —
Навек домой, туда, где дома нет.

1997

¹ Марианна.

Отрывок из русского поэтического синодика

Батюшков свой одуванчик-разум
Раскачал, как вольный ветерок;
Святочным Жуковский дышит мразом;
Над Козловской лирой мреет рок.

Ввысь порхнула Пушкина пушинка;
Вяземский язвит – не извинить;
Спит Загорский – странная личинка;
Вьётся Веневитинова нить.

Ленный Дельвиг эльфом никнет долу;
Боратынский борется с судьбой;
Здесь Языков зычный и весёлый —
Там Давыдов выдан с головой.

Кюхельбекер тучнословный – или
Илличевский лёгкий, как фантом;
Всклянь бокал Подолинский долили;
Тепляков затеплился потом.

Прогремел громком Шкляревский юный;
Издали Туманский поманил;
Струнной муке обречён Трилунный;

Крюков миру с миртой изменил.

И среди лирических реликтов,
На малейший начихав предлог, —
Чудом невредимый Бенедиктов
Распушил пунцовый хохолок.

1993

«По небу облако летело...»

Дочери

По небу облако летело,
Оно летело и блесело...
От тучи облаку влетело
За то, что шляется без дела.

Без дела – без дождя, без грома.
А туча, ковыляя хромо,
Тащила за собой из дома
Грозы великую истому.

Зашла, немного повозилась,
От боли ликом исказилась,
Кому-то глухо погрозились...
Понапряглась – и разразилась!

Пирог земли пыхтит в духовке.
Неуловимо-злато-ловки,
Сновали молнии-чертовки,
Давно скучали по готовке!

А их родные братцы-громы
Трясли небесные хоромы,
Древесные косили кроны

И наносили им уроны.

Не по злобѣ – от упоенья
Из глоток рвущегося пенья,
От ливневого закипанья,
В котором так свежо купанье!

Змеились молнии, плясали,
Впиваясь, корочку кусали;
Громам вольготно – дол, леса ли —
Хитрили: молкли, воскресали!..

Но дикие – отхлопотали,
Великие – отлопотали,
Светлея, капли лепетали,
Миг – и улепетнули в дали.

Закат окрасился багряно,
А в воздухе запахло пряно,
Тонко-медвяно, пьяно... Право,
Такая дивная приправа,

Что пар щекочет ноздри Богу.
Дела все побоку, ей-богу!
Надевши праздничную тогу,
Он ждёт взволнованно и строго.

На землю ангелов Он кличет,
И вот они над ней курлычут,

И величают, и величат...

И вновь – к Отцу вернулся причет.

Когда ж Ему для освященья

Подносят землю в восхищеньи, —

Он от пленительного духа

Присутствие теряет Духа!

29 августа 1993

«Моё дыханье, не тумань...»

На стёкла вечности уже легло

Моё дыхание, моё тепло.

О.М.

Моё дыханье, не тумань
Прозрачных стёкол вечности бесстрастной —
Ничья ей не потребна дань,
И жалок лепет твой напрасный.

Вином любви не напою
Вот этих строчек нежную бескровность.
Ряжу в слова судьбу мою,
Зане судьба моя – условность.

Храню души на тёмном дне
Я веру в тишь моих четверостиший...
Но всё необходимей мне
Боль пониманья, что превыше

Искусства облачных красот —
Лишь гибель добровольная, что разом
Те стёкла камнем разнесёт
Иль звёздным разгрызёт алмазом.

«Звёзды тенорят, тенорят...»

М.К.

Звёзды тенорят, тенорят.
А земля блаженно басит.
Звёзды вновь красотой изнурят.
А земля росой оросит.

Если утром вымолвлю «зря!»
И утрачу веру в слова —
Значит, золотая заря
Выронила алое «а».

Пусть любви я не обрету,
Самой малости не добрав, —
Воспою людей доброту
Наравне с безлюдьем дубрав.

Кто б я ни был, агнец иль волк,
Коль не вышел (горе уму)
Из меня какой-нибудь толк, —
Лишних толков ждать ни к чему.

Может быть, глаза распахну...
(Годы, годы – струйкой песка.)
Может быть, ещё отдохну,

Как всегда хотелось... Пускай

Звёзды тенорят, тенорят
И земля блаженно басит:
Подожди, уляжешься в ряд
С теми, кто уже не форсит.

1994

Вариация на тему 66 сонета В. Шекспира

Я так устал. Давно б вселился в склеп
Жильцом смиренным. Только б не глядеть
На этот мир, который столь нелеп,
Что Богу не с руки о нём радеть.

Здесь гордости кремень источен в пыль;
Из мощи немощь выжимает сок;
Кошунство служит вере, что костыль;
Развратом с девства сорван поясок.

Ложь смотрит прямо, искренность – хитро;
Ум всюду остаётся в дураках;
Зло благодушествует, мстит добро;
Мерзавцев слава носит на руках.

Но друга те же горести гнетут:
Я не хочу быть *Там*, когда он – *тут*!

1994

«Он столь же строг, сколь и витиеват...»

Он столь же строг, сколь и витиеват,
Равно блудлив и свят, умён и пылок,
Он, словно вешний лист, теплом объят,
Мерцает дрожью всех своих прожилок.

Телесно-выпукла его строка —
И Божьего на ней не стёрто знака
Скупым переложеньем Маршака
И щедрым переводом Пастернака.

Не раз внушал мне тёмный гений мой:
Сей драгоценной формы нет дороже,
Чтоб заповедно-дивной глубиной
Вместить всю боль любви моей. Но всё же

Любовь бесформенна, как тьма и свет.
Прости-прощай, шекспировский сонет!

1994

Ода меланхолии (из Китса)

1

О, жажду не топи в Летейских водах,
Из волчьих ягод зелья не вкушай;
Венком из лоз, сулящих вечный отдых
В долине Прозерпины, не смущай
Чела и чёток тисовых не трогай;
Твоя Психея да не воплотится
В порханьи траурного мотылька;
Совиным воплям не внимай с тревогой —
Среди теней мучение продлится,
На прахе грусти вызреет тоска.

2

Когда же Меланхолия из лона
Небесного, как облак, низлетит
И, все цветы оплавав поимённо,
Холмы апрельской дымкой осенит —
Грусти над розой, сердцем обмирая,

Сочти устами лепестки в пионе,
Следи волны за радужной игрой;
Иль – гнев своей царицы умеряя —
Сожми её лилейные ладони
И тайну глаз нездешних приоткрой.

3

Лишь расцвела – добычей смерти станет;
Уста, смеясь, уронят вдруг «прости!»
И тот нектар, что пьёт она, обманет,
Сгустившись ядом в трепетной груди...
Так! Дивной Меланхолии лампы
Во храме Наслажденья сокровенны —
И осиян лишь тот её венцом,
Кто острый привкус радости мгновенной
Познав, предстанет, в чаяньи услады,
Пред ликом Скорби – жертвенным жрецом.

1988

«Душою благодарной...»

Душою благодарной,
Как веселящей браги,
Испить той легендарной,
Той заповедной влаги.

Смешать под видом сходства
Законы сна и яви;
На право первородства
Претендовать не вправе —

Пред музой тонколикой
Свершать любви обряды,
Ни в чём равновеликой
Не находя отрады.

И вдруг понять однажды,
Что даже маломальской
Не утоляет жажды
Хрустальный ключ кастальский.

«Я верю в тайную свободу...»

Я верю в тайную свободу
И в то, что смерть, соль всех ответов,
На чистую выводит воду
Нас, безответственных поэтов.

Ну а пока с судьбою вздорной
Дружу, ей предан с потрохами, —
Твержу кому-то всё упорней,
Почти в слезах... почти стихами:

Мол, оттого так сердце сжалось,
Что вспомнило и полюбило.
А на поверку оказалось...
Смешно... Но так оно и было!

1994

«Ветреная Троица...»

Ветреная Троица.
Вопрошаю: чем
Сердце успокоится
Надолго, совсем?

Облако лиловое
Бисером сорит.
Облако перловое
Налегке парит.

Я иду по золоту,
От теней пятнист.
К солнечному голоду
Попривыкнул лист.

Но волною, веющей
Из небесных лон,
От тоски коснеющей
Тополь исцелён.

Помавает длительно
Женственный колосс
Тяжестью пленительной
Сохнущих волос.

И блестит – в ударе ведь! —
Светом восковым,
Белый свет отдаривать
Взялся каковым...

Только снова строится

В небе туч гурьба.

Голубая Троица,

Как же ты слаба!

До чего единственна,

До чего нежна!

Как – почти таинственно —

Мне была нужна!

1994

«На берёзы и на клёны ты...»

Н.

На берёзы и на клёны ты
Погляди, душой светла:
Нежной стужею спелёнуты
Их дремучие тела.

Упадают лист за листиком,
Мрут на скатертях дорог.
Поневоле станешь мистиком.
Я прозрел – и я продрог.

Хорошо, что держишь под руку,
Благо, что не до грехов
Взбалмошному ветру-отроку,
Он ведь из чужих стихов.

Даже время к нам по-своему,
Кажется, благоволит.
В мире сделать нас изгоями —
Пальцем не пошевелит.

Вот оно, людское счастьеце,
В рамках бледной синевы.
Затихая, к сердцу ластится

Шёпот чахнущей листвы.

Листья, листья-подзаборники!
Завтра шумно будут мечь
Непроспавшиеся дворники
Их скоробленную жечь.

Всё ещё смычки о скрипочках
Грезят, просят небылиц,
А октябрь-цыган на цыпочках —
Нам, своим цыплятам, – цыц!

1994

«Воздыхающие, пропащие...»

Воздыхающие, пропащие,
Шелестящие всласть листы,
На ветвях вольнодумно гостящие,
Были перисты и густы.

И сентябрьская, брачная, поздняя,
Цвета матового стекла, —
Над листвою, в листве и сквозь неё —
Золотистая млечь текла.

1994

«Голубая холодная улица.....»

Голубая холодная улица...
Иронично-сутулый фонарь
Ею так откровенно любитесь,
Словно одушевлённая тварь.

Близоруким сиянием трогает
Ветви, мысли, вот этот сугроб —
Только в душу мне глянуть не пробует,
Старый и привередливый сноб.

Он прекрасней луны над Венецией,
Заклучив меня в свой окоём...
И плевал он на реминисценцию
В этом стихотвореньи моём.

1994

«О, горние золушки, райские простолюдинки...»

О, горние золушки, райские простолюдинки,
Кипящие в воздухе светлой, несметной толпой,
Проворные белые мухи, сквозные снежинки,
Душистые звёзды, летящие в сумрак слепой.

Дурашливые, в поцелуях сгорают небрежных
Твоих, а иные задремлют на миг в гамаках —
В легчайших ресницах, на их закруглениях нежных,
И томно растают на веках, не тая в веках.

Весёлая память, неверная память, сквозная...
Да так ли всё было – так просто, так страшно любить! —
Я скоро опять всё увижу воочью, узнаю,
Чтоб после, быть может, уже навсегда позабыть.

За мной это грустное право. Дню каждому злоба
Довлеет своя. Да и кто пожалеет, спрости,
Что гаснут лампы в фарфоровом храме сугроба,
Что певчего снега давно не слышать на Руси.

«У меня не допросишься снегу зимой...»

У меня не допросишься снегу зимой:
Снег – навек, нераздельно и праведно – мой;

Только мой – прошлогодний, вчерашний – любой,
Семицветный иль просто насквозь голубой;

Равнодушный, никчёмный, желанный давно,
Канительный, почивший во сне – всё равно;

Ниспадающий звёздно, обвальный – и тот,
Что (я знаю, наверное) мне упадёт

На лицо, на моё восковое лицо, —
Когда я навсегда притворюсь мертвецом

И меня, помолясь, понесут на руках,
Чтобы с рук поскорей сбыть докучливый прах.

Ну а тот, кто мне белый огонь завещал,
Всех гостей своих снежным вином угощал, —

Но из всех, кто когда-то бывал у него,
Отличил почему-то меня одного.

Я ж всегда был скупцом. Только снег был мне мил.
И наследника я не хотел, не вскормил.

Только знаю: уже родился и орёт —
Тот, кто снег мой к стихам, как к рукам, приберёт.

1994

«Вином и горькою любовью...»

Вином и горькою любовью
(Что есть в помине – ныне ж нет)
Я дивно пьян, и в изголовье
Моём ночует дивный свет.

Четырёхстопный ямб... Сребрима
Строка лучом – луны посллом.
В ней стоп число соизмеримо
Со стопок выпитых числом.

Но, вместо строчек полновесных,
Плету, рекою снов плывя,
Сеть околичностей словесных,
В неё созвучия ловя...

Мой друг неведомый, о ком я
С тоскою думаю глухой,
Проглатывая в горле комья
Надежды, точно хлеб сухой, —

Для рифмы милой – нимфы мнимой —
Я слишком многое, прости,
Как женщине давно любимой,
Способен в жертву принести.

А много ль вечного находим?
И менее того найдём.
Но мы с тобой под Богом ходим,
Как бы под снегом иль дождём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.